

МОЙ
РАГНАРЁК

МУЖС
ФРАЙ

МОЙ
РАГНАРЁК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Мой Рагнарёк / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 448 с. — (Миры Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-088839-9

Это история о том, что плохой топ-менеджер может оказаться гораздо лучше хорошего — при условии, что ему поручили организовать не что-нибудь, а конец света.

Это история о Последней Битве, в которой никто не хотел победить. Зато все хотели кофе с плюшками и как следует повеселиться.

Это история о том, как ни у кого ничего не получилось. И это оказалось к лучшему.

И еще это, конечно, история о дружбе и любви, на которых держится мир, вне зависимости от того, пришёл он к концу, или только что начался заново.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-088839-9

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Предисловие

Настоящее предисловие к этой книге едва уместилось в несколько толстых томов, и видит бог (тот самый, который пишется с большой буквы), я приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы оно не стало еще длиннее.

Теперь мне приходится расхлебывать последствия собственной словоохотливости — я прекрасно понимаю, что среди читателей этой книги найдется немало счастливиц, до сих пор как-то обходившихся без моей писанины. Поскольку пересказывать содержание чуть ли не дюжины томов в нескольких строчках — занятие неблагодарное, я и пробовать не стану.

Вместо этого позволю себе несколько ничего толком не объясняющих, но, на мой взгляд, все же необходимых замечаний.

Все события, о которых пойдет речь в этой книге, действительно имели место, но только в моей жизни, а не в вашей. Так бывает. Со мною — особенно часто, поскольку я уже давно по уши увяз в топком болоте чудес. Увяз так глубоко и безнадежно, что меня уже нет рядом с вами. Более того, у меня уже почти не осталось оснований думать, будто я вообще есть хоть где-то.

Строго говоря, меня никогда и не было. Но когда очередная волна неизвестно чьих воспоминаний грозит мне если не безумием, то тупой болью в затылке, я превращаю их в буквы на экране компьютера. Воспоминания навсегда оставляют меня в покое, поскольку с этого момента они принадлежат не мне, а так — всем понемножку.

* * *

Что же касается послесловия, хотелось бы верить, что его никогда не будет. Мне всегда казалось, что наихудшее послесловие к любой книге — это смерть автора (не та, о полной и окончательной победе которой так долго твердили постмодернисты, а обычная физическая смерть).

Зато самое сладостное послесловие, о котором можно только мечтать, это многоточие, но не отпечатанное типографским способом на бумаге, а длинная череда незаметных дырочек, образовавшихся на тонкой ткани реальности после того, как еще кто-то ускользнул, не прощаясь.

Боюсь, что этот вариант мне пока не по зубам: всякий раз, когда я собираюсь исчезнуть не прощаясь, непременно выясняется, что я забыл шляпу, или зажигалку, или еще какую-то чушь, без которой совершенно невозможно обойтись.

И мне приходится возвращаться.

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
а на поясе длинный меч!

Кёрай, XVII век

Светлы мои волосы,
Темны мои глаза,
Темна моя душа,
Холоден ствол моего ружья.

Автор когда-то наткнулся на эти строчки в детективном романе Себастьяна Жапризо «Дама в очках, с ружьем, в автомобиле»; из внутреннего монолога героини следовало, что это не просто стихок, а песенка, о мелодии которой остается только догадываться.

—Эй, Груз Виселицы, куда ты уставился?

Я твердо решил, что больше не буду отзываться на это прозвище, а посему никак не отреагировал на вопрос Афины. Пора бы ей усвоить, что обладателя тысячи имен не следует окликать таким образом.

Впрочем я не слишком верил, что молчание мое возымеет должное действие. Когда Афина принимает свой излюбленный человеческий облик, ее характер становится совершенно несносным. Тут ничего не поделаешь, остается лишь ждать, пока сероокая устанет таскать на себе бесполезный груз, который неразумные люди в свое время опрометчиво сочли одним из лучших мужских тел.

Мало того, что мне не слишком нравится простолюдин по имени Марлон Брандо, чей вид столь любезен Палладе, меня вообще изрядно раздражает ее склонность принимать мужской облик. Созерцать влажный от пота, коротко стриженный затылок немолодого мужчины и помнить, что под его загорелой кожей скрывается прекрасная сероглазая дева, — от такого у кого угодно ноша шеи перегреется!

Впрочем, эти Олимпийцы все с придурью, Афина еще самая разумная. И всех их легче убить, чем переделать, хотя убить тоже не слишком просто, поскольку считается, что они бессмертны. Как, впрочем, и я сам.

— Нет, правда, Игг, куда ты пялишься? Что такого интересного может быть на земле? — снова спросила Афина.

Я мог поздравить себя с очередной победой над ее необузданным нравом. По крайней мере, на сей раз меня называли не Грузом Виселицы, а моим собственным именем, да еще и одним из самых любимых. Из доброй тысячи имен, успевших прилепиться ко мне за мою долгую жизнь, я всегда предпочитал те, что покороче, как последний удар меча.

— Там на камне сидит какая-то странная тварь, — объяснил я. — Не то человек, не то погань подземная, не то просто наваждение. Но не один из наших, это точно.

— Ясно, — кивнула она. — Ну что, идем на снижение? Посмотрим, что он такое.

— Я и отсюда его прекрасно вижу. И ты бы увидела, если бы смотрела собственными глазами, а не выглядывала из близоруких окон своей драгоценной маски.

— Я уже целую вечность смотрю на этот прекрасный мир своими собственными всевидящими очами, — огрызнулась Афина. — Почему бы не позволить себе роскошь немного полюбоваться на него обыкновенными близорукими человеческими глазами? Когда еще доведется.

У меня не нашлось возражений. «Позволить себе роскошь» — это она очень хорошо сформулировала. В конце концов, все мы в последнее время только этим и занимаемся — позволяем себе разного рода роскошь, каждый в меру собственного воображения. А чем еще заниматься бессмертным богам, когда их мир собирается рухнуть, дата Последней битвы уже известна, а от былой наивной уверенности в собственном бессмертии давным-давно камня на камне не осталось.

— Ладно уж, — примирительно усмехнулась Афина, — по большому счету ты прав, Видур. Пожалуй, я действительно воспользуюсь своим зрением. Как ни крути, а человеческие глаза этого красавчика могут только смотреть, но не видеть.

Мы оба уставились вниз, на крошечное зеленое пятнышко. Привычным усилием воли я заставил его прибли-

зиться и стать тем, чем оно на самом деле и было: мужчиной в ярко-зеленом плаще.

Он сидел на камне посреди голой песчаной равнины. Люди называют такие места «пустынями», но мне не нравится это слово. Оно лживо — я много путешествовал по так называемым «пустыням» и ни разу не встретился там лицом к лицу с обещанной пустотой.

Его руки были сложены на коленях, светлые растрепанные волосы почти закрыли лицо, по которому блуждала отрешенная улыбка, какие мне до сих пор доводилось видеть только у спящих. Наконец я заглянул в темную глубину его глаз, и мне стало не по себе. Я еще никогда не встречал столь пугающей темноты — ни в человеческих глазах, ни в глазах своих родичей, ни в глазах моих мертвых воинов, ни в единственном зрачке собственного отражения, если на то пошло.

— Это он, Нике, — сказал я.

Она обернулась ко мне, брови Марлона Брандо угрожающе нахмурились. До сих пор я лишь однажды называл Афины сладчайшим из ее имен. Это случилось в самом начале нашего знакомства, и тогда я еще не знал, какое число непотребных слов способна пустить в ход эта сероглазая, когда кто-то говорит ей, что она прекрасна.

В тот раз развлечение доставило мне некоторое удовольствие, но меня не слишком прельщала возможность повторно выслушать ее брань — я подозревал, что ничего нового Афина с тех пор не придумала.

По счастью, она не стала затевать свару. Немного помолчав, переспросила:

— Кто — «он»? Ты что-то путаешь, Гаут. Этот смертный — не твой безумный побратим. Впрочем, возможно, он вовсе и не смертный.

— В том-то и дело, что не смертный. Боюсь, что он гораздо менее смертен, чем мы сами. Но при чем тут мой побратим?

— До сих пор мне казалось, что лишь его внезапное появление может выбить тебя из колеи.

— Глупости, — отмахнулся я. — Выбить из колеи — еще чего! Да, порой у меня портится настроение, когда я вспоминаю, во что превратился бедняга Локи. Когда-то нам было очень весело вместе, и это были хорошие времена... Да пес с ним, не о том речь! Ты еще не поняла, кто этот незнакомец внизу? Это тот, за кем с радостью пойдут худшие из смертных, тот, кого ждали мертвецы, чтобы подняться из могил. Ядовитое чудовище, под ногами которого плодородные земли превращаются в растрескавшуюся глину. Когда люди моего народа тщетно пытались перевести смутное знание о неизбежном на язык слов, они придумали свою историю о конце мира. Они назвали это «День судьбы богов». Надо отдать им должное, не так уж много они перепутали. Во всяком случае, куда меньше, чем прочие болтуны. Например, предсказали, что перед Последней битвой откуда-то с юга придет великан Сурт с огненным мечом и сожжет мир. Думаю, перед нами тот, кого они называли Суртом. Он пришел, и теперь все покажется в пропасть так быстро, что мы не успеем перевести дыхание. Это и есть наш главный враг, Нике. По сравнению с ним Локи — добрый приятель. В конце концов, он такой же невольник своей судьбы, как и мы все. А этот поганый пришел сюда развлекаться.

— Не развлекаться, — возразила она. — Он пришел сюда просто потому, что так вышло. В отличие от нас он действительно мог отказаться принимать в этом участие. Но его выбор уже сделан, так что теперь мы в одной лодке. Хотя он действительно возглавит армию наших врагов, одно другому не мешает, ты знаешь.

— Не мешает, — согласился я. — А с каких это пор ты занялась пророчествами?

Она не ответила.

Про себя я отметил, что Афина не так проста, как кажется, а значит, и с прочими ее родичами следует держать ухо востро.

Потом я снова погрузился в темноту глаз незнакомца. Эта тьма была почти непроницаемой — для кого угодно,

но только не для меня. Случалось мне разгадывать и более хитроумные загадки.

Следовало признать, что наш враг не вызывал у меня должного отвращения. Я быстро понял, в чем дело: ему довелось попробовать мед поэзии, а я питаю слабость к скальдам.

— Похоже, он не раз окунал руки в кровь Квасира. Вот уж никогда бы не подумал, — сказал я Афине.

— В чью кровь?

— Я хотел сказать, что прежде он был поэтом. «Кровь Квасира» — это поэзия.

— Почему нельзя просто называть вещи своими именами? — раздраженно спросила Афина.

— Потому что вещи от этого портятся, я тебе уже объяснял. Если золото тысячу раз назвать «золотом», это истощит его, оно устанет, утратит свой блеск и потеряет ценность. Поэтому лучше называть его «перинной дракона» или еще как-нибудь — есть много способов дать понять, о чем идет речь, не называя имени. Это магия. Не слишком хитроумная, согласен, зато она работает.

— Этот дерьмовый мир скоро весь испортится, раз и навсегда, а ты все носишься со своей дурацкой магией! — в сердцах сказала Афина.

— Если бы с ней все носились, глядишь — и мир бы не испортился, — огрызнулся я.

Знала бы эта сероглазая, как трудно порой не разгневаться, слушая ее вздорные речи.

— Хорошо, не будем больше спорить, — неожиданно согласилась она. — Сейчас я хочу разобраться с этим существом внизу, так что придержи свою драгоценную шляпу. А то еще улетит на вираже!

— Ладно, придерживу. Разбирайся.

Она заговорщически мне подмигнула и начала стремительно сбавлять высоту. Земля неслась нам навстречу с такой скоростью, словно была отошавшим медведем-ша-туном, а наша диковинная летательная машина — ее

единственным шансом не сдохнуть с голоду еще до наступления ночи.

Я не видел лицо своей спутницы, но чувствовал, что мясистые губы мужчины с нелепым именем Марлон сложились в улыбку валькирии. Теперь никакая маска не могла скрыть настоящую Афину, которая при первой же встрече гордо бросила мне: «Только не думай, что испугаешь меня своим заговоренным железом, дружок, я и сама — бог войны!»

Афина небрежно положила руку на гашетку пулемета. Я понял, что она задумала, и расхохотался от полноты чувств. В этот миг я разрешил себе поверить, будто все еще можно исправить. Сейчас растревожившие меня темные глаза незнакомца погаснут, станут кормом для воронья; его зеленый плащ через несколько дней занесет песком, а в сапогах поселятся змеи. С ним будет покончено навсегда, а потом... Мало ли что может случиться потом.

— Разворачивайся, Хар, хватит сверлить мой затылок своим драгоценным глазом, — потребовала Афина. — Лучше приготовься пострелять. Я начинаю, а финал — за тобой.

Я развернулся и склонился над пулеметом, смертоносной машиной, которую моя подруга зовет ласковым именем Льюис. Хорошая перемена: до сих пор она всегда настаивала, что пока я нахожусь в ее аэроплане, я — никакой не воронбрани, а всего лишь пассажир. «Только сиди смирно, Игг, и ничего не трогай! — напоминала она перед всяким полетом. — Это мои игрушки, и не твое собачье дело, как я с ними обхожусь!»

Этой сероглазой многое сходит с рук — нынче я не охотник до свар. Пусть себе своевольничает. Пока от нашей дружбы есть прок, я готов потакать ее ребяческим капризам. Да и пропадет она без меня. И сама это знает.

Покорный капризам Афины, я никогда прежде не пользовался ее хитроумным оружием убийства по имени Льюис. К счастью, мне нет нужды всякий раз учиться обращению с новым оружием — всякое оружие при ближайшем рас-

смотрении непременно оказывается одной из несметного числа моих невидимых смертоносных рук.

Пулемет не был исключением. Стоило мне прикоснуться к холодному металлу, и все встало на свои места. Возможно было не сомневаться: я сумею привести в действие это устройство, как уже не раз заставлял оживать куда более замысловатые игрушки, придуманные слабыми, но изобретательными людьми, чье стремление услужить смерти всегда вызывало у меня оторопь: им-то это зачем?

Стрельба Афины возвестила о начале битвы. Рыжий песок был так близко, что я вполне мог бы сосчитать песчинки, если бы у меня нашлось время погибать пальцы. Мы принесли на землю ветер; светлые волосы незнакомца взметнулись вверх и зашевелились, как змеи на голове Горгон, о которых я слышал от Олимпийцев, — судя по всему, в будущем нам еще предстояло сразиться с этими скверными бабами.

Я с наслаждением окунулся в изумительную музыку выстрелов. Но почти сразу с горечью осознал, что ничего не происходит. Вообще ничего! Мы не только не убили, но, кажется, даже не потревожили своего будущего врага.

Наконец он неохотно поднял голову. Мне показалось, что наши глаза встретились, но потом я понял, что тако-го быть не могло: это существо обладало обыкновенным, заурядным человеческим зрением. Наш враг не видел дальше собственного носа. Ну и дела.

Небо становилось все ближе, наш летательный аппарат удалялся от земли так же стремительно, как только что несли ей навстречу. Можно было подумать, что мы удираем, но я успел увидеть, что неуязвимый незнакомец в зеленом плаще с любопытством посмотрел нам вслед, заулыбался еще шире, а потом начал смеяться.

— Ты слышишь, Паллада? Он смеется! — Я почувствовал, что задыхаюсь от гнева.

— Он смеется, как мы сами умели смеяться когда-то давно, — вздохнула она. — И, кажется, я понимаю, почему